

ВЛИЯНИЕ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ НА ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ И ДИПЛОМАТИЧЕСКОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ В УСЛОВИЯХ ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ РЕЖИМОВ

Аннотация. Статья посвящена анализу влияния цифровых технологий на политические процессы и дипломатическое взаимодействие в условиях демократических режимов. Цель исследования — выявить как возможности, так и риски цифровизации для демократических институтов. Используются методы институционального и сравнительного анализа, а также контент-анализ нормативных и стратегических документов. Работа раскрывает концепт цифровой уязвимости демократии и проблематику цифрового суверенитета в международной политике. Сделан вывод о необходимости нормативной адаптации демократических систем к вызовам цифровой эпохи.

Ключевые слова: цифровизация, цифровая дипломатия, демократические режимы, политические институты, цифровой суверенитет.

THE IMPACT OF DIGITAL TECHNOLOGIES ON POLITICAL PROCESSES AND DIPLOMATIC ENGAGEMENT IN DEMOCRATIC REGIMES

Abstract. This article analyzes the impact of digital technologies on political processes and diplomatic interaction in the context of democratic regimes. The purpose of the study is to identify both the opportunities and the risks that digitalization poses to democratic institutions. The research employs institutional and comparative analysis, as well as content analysis of regulatory and strategic documents. The study introduces the concept of the digital vulnerability of democracy and explores the issue of digital sovereignty in international politics. The article concludes with the necessity of adapting democratic systems to the challenges of the digital age through regulatory transformation.

Keywords: digitalization, digital diplomacy, democratic regimes, political institutions, digital sovereignty.

Цифровые технологии становятся неотъемлемой частью современных политических процессов, трансформируя формы взаимодействия между государством, обществом и международными акторами. В условиях демократических режимов данная трансформация приобретает особую значимость.

С одной стороны, цифровизация открывает новые возможности для расширения участия граждан, повышения транспарентности и эффективности публичной власти; с другой — усиливает риски институциональной эрозии, цифрового популизма и политической манипуляции. Демократия, основанная на принципах открытости и конкуренции, оказывается одновременно наиболее восприимчивой к инновациям и крайне уязвимой к последствиям неконтролируемого цифрового воздействия. В этом контексте особую актуальность приобретает изучение того, каким образом цифровые технологии влияют на политические институты и дипломатические практики в странах с демократическими политическими режимами.

Цель настоящего исследования заключается в теоретико-аналитическом осмыслении процессов цифровизации политической и дипломатической сфер в демократических государствах. Основной акцент сделан на выявлении двойственной природы цифровых технологий как фактора демократического развития и одновременно источника институциональных рисков.

Современные исследования в области политических наук фиксируют растущее влияние цифровых технологий на трансформацию демократических институтов и дипломатического взаимодействия. В литературе доминируют два аналитических подхода: один фокусируется на «цифровизации политики», то есть внедрении цифровых технологий в политическую коммуникацию и участие граждан (социальные сети, электронные петиции, онлайн-голосование), а другой — на «политике цифровизации», то есть государственном управлении цифровыми преобразованиями как элементе стратегического курса [1, с. 48–67].

С точки зрения С.В. Володенкова и С.Н. Федорченко [2, с. 84–103], цифровизация общественно-политического пространства ведет к образованию гибридных государственно-технологических режимов, в которых политическая власть все чаще делит суверенитет с цифровыми корпорациями и платформами. Это проявляется как в цифровой дипломатии, так и в институциональной перестройке традиционных форм власти (парламентаризм, выборы), что особенно ощутимо в демократических режимах, где уровень цифрового участия граждан выше.

Скептическую точку зрения представляет Т. Хирблингер [3, с. 185–285], отмечающий, что цифровые технологии, наряду с повышением аналитического потенциала и транспарентности, усиливают также неопределенность и уязвимость политических процессов. Например, в миротворческих инициативах технологии могут как укреплять доверие, так и способствовать дезинформации и подрыву легитимности.

Критический анализ «цифровой дипломатии» предложен Р. Адлер-Ниссен и К.А. Эггелинг [4, с. 640–666], которые вводят понятие *blended diplomacy* — смешанного формата, где невозможно четко отделить традиционные и современные практики. Цифровые технологии становятся неотъемлемым

элементом повседневной дипломатии, создавая новые иерархии и меняя профессиональные роли в рамках министерств иностранных дел и наднациональных международных структур, включая Европейский союз (ЕС).

В китайской литературе внимание акцентируется на понятиях «цифровой суверенитет» и «технологический суверенитет». В условиях геополитической конкуренции ЕС и Китай стремятся сохранить стратегическую автономию в цифровой сфере. ЕС, в частности, использует политику «digital sovereignty» как инструмент внешней и внутренней легитимации, при этом сталкиваясь с внутренними институциональными ограничениями [5, с. 9–22; 6, с. 91–104]. Однако в ряде работ подчеркивается, что даже демократические режимы, несмотря на предполагаемую открытость, используют цифровые технологии для усиления контроля и перераспределения политических ресурсов, что ставит под сомнение классическую модернизационную теорию [7, с. 310–327].

Несмотря на широту охвата, остается недостаточно изученным механизм воздействия цифровизации на качество таких демократических процедур, как электоральное участие, цифровая дипломатическая подотчетность и трансформация политических норм. Неисследованным остается и вопрос о долгосрочной устойчивости демократических институтов в условиях алгоритмической логики цифровых платформ и глобальных ИТ-корпораций, которые активно вовлечены в политические коммуникации. Таким образом, встает необходимость концептуализации политических и дипломатических эффектов цифровизации с учетом особенностей демократических режимов.

Компаративный и институциональный подход, выступающий методологической основой исследования, позволяет нам проанализировать трансформацию политических институтов под воздействием цифровых технологий в сравнительном контексте. Также используются методы контент-анализа нормативно-правовых актов, официальных стратегий цифровой дипломатии, а также кейс-стади по государствам ЕС и США. Посредством интеграции исследования цифровых политических технологий и дипломатии в единую аналитическую рамку, ориентированную на специфику демократических режимов, нами предложена интерпретация понятия цифровой уязвимости демократии, раскрывающая противоречивые последствия цифровизации для политической устойчивости и международного позиционирования государства.

В условиях стремительно меняющейся цифровой среды особое значение приобретает анализ того, каким образом демократические режимы адаптируют свои политические институты и дипломатические механизмы к вызовам цифровизации. Для этого необходимо рассмотреть конкретные формы влияния цифровых технологий на политическое участие, институциональное функционирование и внешнеполитическую коммуникацию.

Цифровизация политических процессов в демократических режимах

Внедрение цифровых технологий в политическую сферу демократических государств в последние два десятилетия радикально трансформировало природу политического участия, формы обратной связи между гражданами и государством, а также институциональные механизмы контроля и подотчетности. Этот процесс получил свое наиболее активное развитие в условиях ускоренной цифровизации, обусловленной и технологическими инновациями, и такими экзогенными факторами, как пандемия COVID-19, вызвавшая необходимость оперативного перехода на дистанционные формы коммуникации и управления.

Цифровые платформы, включая социальные сети (Facebook, Twitter/X, Instagram, Telegram и др. *), стали основным каналом политической социализации и мобилизации граждан. В условиях демократических режимов эти ресурсы позволяют не только транслировать политическую информацию в обход традиционных СМИ, но и организовывать протесты, подписные кампании и электронные инициативы. Так, например, петиции, направленные через платформу Change.org, в ряде случаев стали поводом для парламентских слушаний в США, Великобритании и Германии.

Однако наряду с расширением возможностей присутствия происходит смещение акцента с институциональной формы вовлеченности (партийная принадлежность, голосование) на эпизодическое, фрагментарное участие в форме «кликтивизма». Такая трансформация, как отмечает О.А. Воронкова [8, с. 120–133], приводит к формированию «сетевой публики», способной к резонансным действиям, но неспособной к устойчивой политической ответственности. Это вызывает институциональные вызовы для партийных систем и традиционных механизмов репрезентации.

Одним из наиболее формализованных направлений цифровизации политических процессов стала система электронного правительства (e-government), направленная на упрощение взаимодействия между государственными институтами и гражданами. В странах с устойчивыми демократическими традициями (Эстония, Канада, Нидерланды) были внедрены системы электронного голосования, онлайн-консультаций и цифрового доступа к нормативной базе. Например, эстонская система i-Voting¹, функционирующая с 2005 года, позволяет избирателям участвовать в выборах через Интернет с полной юридической силой голосов, регулируется зако-

---

* Социальные сети Facebook и Instagram принадлежат компании Meta, признанной экстремистской на территории Российской Федерации. Социальная сеть X (ранее Twitter) была заблокирована Роскомнадзором в начале марта 2022 г. на основании ст. 15.3 Федерального закона от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации».

¹ i-Voting. URL: https://e-estonia.com/wp-content/uploads/factsheet_i-voting.pdf.

ном о выборах и признана конституционным судом как соответствующая основам демократии [9, с. 84–96].

Цифровые механизмы контроля также получили широкое распространение: цифровые бюджетные платформы, карты общественных обсуждений и мониторинговые панели (MySociety² в Великобритании) усиливают прозрачность и подотчетность власти. Вместе с тем, как подчеркивается в документе МИД Китая «Позиция Китая по вопросам глобального цифрового управления», необходимо усилить цифровую компетентность развивающихся стран и уязвимых групп населения за счет образования, технологической помощи [10].

Таким образом, несмотря на потенциал электронного правительства как средства демократизации, его эффективность зависит от качества нормативно-правовой базы, уровня технической инфраструктуры и способности институтов адаптироваться к цифровым вызовам.

Цифровизация не только создает возможности, но и генерирует риски, подрывающие устойчивость демократических процессов. Одной из главных угроз является алгоритмическая дискриминация, когда автоматизированные системы, действуя без прозрачности и апелляционных механизмов, принимают политически значимые решения. Неменьшую опасность представляет распространение дезинформации. Согласно исследованию, опубликованному в Misinformation Review Гарвардской школы управления имени Кеннеди, 83,4 процента взрослого населения США выражают обеспокоенность по поводу возможного использования искусственного интеллекта для распространения дезинформации в ходе президентских выборов 2024 года, причем 44,6 процента респондентов заявили о «высокой степени тревоги» по этому поводу [11].

Цифровой популизм — еще одно явление, возникающее на стыке технологий и политики. Благодаря использованию таргетированной рекламы, политические акторы могут персонализировать сообщения и апеллировать к эмоциям, минуя рациональный политический дискурс. Это ведет к фрагментации общественного мнения и подрыву публичной сферы, о чем свидетельствует пример платформы Cambridge Analytica, ставшей символом политического манипулирования в демократическом контексте.

Наконец, цифровое неравенство, выражающееся в разном уровне доступа к технологиям и цифровым навыкам, формирует новые линии политической маргинализации. Международный союз электросвязи (МСЭ) в отчете за 2023 год указал, что 93 процента населения в странах с высоким уровнем дохода пользуются Интернетом, в то время как в странах с низким уровнем дохода этот показатель составляет лишь 27 процентов, что ставит под сомнение инклюзивность цифрового участия [12].

² MySociety. URL: <https://en.wikipedia.org/wiki/MySociety>.

Цифровые технологии в системе дипломатического взаимодействия

Цифровизация трансформировала не только внутригосударственные политические процессы, но и механизмы внешнеполитического взаимодействия. В условиях глобальной взаимозависимости, усилившейся в XXI веке, цифровые технологии стали неотъемлемым элементом дипломатической практики, повлияв как на характер межгосударственных коммуникаций, так и на институциональную организацию внешнеполитических структур демократических государств. Новые форматы цифровой дипломатии изменили природу дипломатического представительства, расширили арсенал инструментов мягкой силы и поставили на повестку дня вопросы цифрового суверенитета и кибербезопасности [13, с. 59–69].

Одним из ключевых проявлений цифровизации дипломатии стало активное использование министерствами иностранных дел и международными организациями цифровых платформ: социальных сетей, специализированных веб-сервисов, видеоконференций, облачных хранилищ и мобильных приложений. Государственный департамент США в 2021 году опубликовал *Digital Diplomacy Strategy*, где указано, что цифровые инструменты должны стать «неотъемлемой частью продвижения внешнеполитических интересов и демократических ценностей Соединенных Штатов в киберпространстве» [14, с. 370–374]. С момента присоединения к Партнерству открытых правительств (ПОП) в 2013 году Канада последовательно продвигает концепцию открытого правительства в рамках внутреннего и внешнего государственного управления, включая повышение прозрачности международной повестки и вовлечение граждан посредством многостороннего сотрудничества.

В то же время в России сложился альтернативный вектор подхода к цифровому взаимодействию в международных отношениях. В Доктрине информационной безопасности Российской Федерации (утверждена Указом Президента № 646 от 5 декабря 2016 года) [15] подчеркивается необходимость защиты государственного суверенитета в информационном пространстве, включая предотвращение использования информационных технологий для вмешательства во внутренние дела страны, обеспечение безопасности критической информационной инфраструктуры и формирование международной системы информационной безопасности на основе равноправного стратегического партнерства.

Таким образом, Россия однозначно выступила против технологической монополизации транснациональных ИТ-компаний, подчеркнув необходимость обеспечения цифрового суверенитета через международное сотрудничество [16]. Она рассматривает «информационный суверенитет» как краеугольный камень национальной безопасности и международной стабильности. В соответствии с этой позицией государствам должно принадлежать право

юрисдикции в киберпространстве наравне с традиционным суверенитетом. Отсутствие уважения к цифровому суверенитету, согласно российской точке зрения, ведет к разбалансировке системы глобального управления. В целях продвижения данной концепции Россия осуществляет политику технологической автономии, усиливает нормативно-правовое регулирование и активно участвует в многостороннем сотрудничестве. Однако реализация этих инициатив сталкивается с рядом вызовов технологического, экономического и международно-политического характера.

* * *

Научная дискуссия также свидетельствует о разной интерпретации природы цифровой дипломатии. Например, Корнелиу Бьола и Илан Манор [17, с. 471–491] вводят понятие *hybrid diplomacy* — «гибридной дипломатии», в которой цифровые и традиционные форматы дипломатической деятельности переплетаются в повседневной практике. Этнографические исследования А.Б. Аусадык демонстрируют, что цифровые инструменты изменяют профессиональные роли дипломатов, повышая значение цифровых навыков и вовлеченности в онлайн-среду [18, с. 4–10]. Такая трансформация сопровождается институциональными разрывами между офлайн-дипломатами и «цифровыми» специалистами, формируя новые горизонтальные и вертикальные границы в дипломатической службе.

При этом расширение цифровых коммуникаций в дипломатии сопровождается серьезными вызовами. Один из ключевых рисков — это кибератаки на дипломатические учреждения. В 2020 году министерства иностранных дел подверглись массированным DDoS-атакам, а в 2022 году хакерские группы предприняли попытки вмешательства в цифровые платформы представительства ООН.

Особую обеспокоенность в международной дипломатии вызывает противоречие между глобальной природой цифровых коммуникаций и суверенными интересами государств. Китайский ученый Дун Цинлин [19] отмечает, что ядром китайской цифровой дипломатии является «достижение общего развития посредством технологического сотрудничества, а не технологического принуждения». Подчеркивая, что продвигаемая Китаем концепция «Цифрового сообщества единой судьбы» направлена на баланс между технологическим суверенитетом и международным сотрудничеством, он выступает против создания цифровых альянсов, основанных на идеологическом разграничении ценностей.

Данная позиция контрастирует с подходом ряда западных демократий, продвигающих так называемые «альянсы доверия» (*trusted alliances*), где акцент делается на общности политических ценностей как основе цифрового партнерства. В этом контексте Китай предлагает инклюзивную альтернативу, ориентированную на обеспечение технологического равноправия и недопущение цифровой фрагментации мира. Тем не менее реализация

концепции «Цифрового сообщества единой судьбы» сталкивается с критикой в международном дискурсе: часть аналитиков указывает на ограниченность прозрачности в механизмах реализации данной инициативы, а также на потенциальные геополитические интересы, скрывающиеся за риторикой взаимовыгодного сотрудничества.

Таким образом, цифровые технологии в системе дипломатического взаимодействия демократических режимов выполняют двойственную функцию. С одной стороны, они открывают новые каналы для публичной дипломатии, ускоряют межгосударственное взаимодействие и усиливают институциональную гибкость. С другой — актуализируют конфликты нормативных подходов к цифровому суверенитету, усиливают технологическое неравенство между государствами и трансформируют устоявшиеся профессиональные иерархии в дипломатии.

Институциональные и нормативные вызовы цифровой трансформации в условиях демократических режимов

Цифровые технологии, все глубже проникая в сферу внешней политики и внутривластных процессов, ставят под сомнение устойчивость традиционных демократических институтов и механизмов международного взаимодействия. Особое значение в этих условиях приобретают институциональные и нормативные аспекты, то есть то, насколько государственные структуры способны не только интегрировать новые инструменты, но и выработать устойчивые нормы их применения, не вступающие в противоречие с фундаментальными принципами демократии. Проблема, однако, заключается в том, что сама логика цифровизации — алгоритмическая, технологически нейтральная, часто приватизированная — не всегда совместима с политико-правовыми рамками публичной власти, ориентированной на подотчетность и правовой формализм.

Современные демократические режимы сталкиваются с дилеммой, — как обеспечить эффективное использование цифровых инструментов в политике и дипломатии, не подрывая при этом институциональные основания демократического управления. Опять же, с одной стороны, цифровые технологии упрощают доступ к международной информации, позволяют оперативно реагировать на внешние вызовы, расширяют возможности публичной дипломатии и участия граждан в обсуждении внешнеполитических решений [20, с. 65–78]. С другой — они вносят элементы неформализованности, подвижности и децентрализации, что затрудняет контроль, вызывает проблемы правового регулирования и подрывает институциональную целостность.

Одним из важнейших вызовов становится отсутствие единых международно признанных стандартов цифровой дипломатии. Поскольку цифровая коммуникация часто осуществляется на платформах, принадлежащих частным транснациональным корпорациям, традиционные принципы

суверенитета и дипломатической неприкосновенности теряют свою практическую применимость. Возникает парадокс: государственные субъекты международных отношений все активнее используют каналы, в отношении которых не обладают ни регуляторными полномочиями, ни технической автономией. Это приводит к формированию новой зависимости — не от других государств, а от цифровых инфраструктур, контролируемых негосударственными игроками [21, с. 37–56].

Дополнительную сложность представляет тот факт, что политические институты демократических стран зачастую реагируют на цифровые вызовы реактивно, а не проактивно. Регулирование цифрового пространства часто осуществляется «вдогонку» за уже свершившимися технологическими изменениями, что ослабляет эффективность нормативной базы и снижает уровень доверия граждан. В результате наблюдается эрозия институциональной стабильности, — официальные дипломатические каналы теряют монополию на формирование внешнеполитического дискурса, а роль влиятельных, но неофициальных источников — блогеров, цифровых активистов, платформенных алгоритмов — возрастает.

Также вызывает беспокойство проблема подотчетности цифровых дипломатических решений. В классической дипломатии ответственность за заявления, действия и последствия несут конкретные институты и лица, обладающие юридическим статусом. В условиях цифровой дипломатии, особенно в формате публичных онлайн-коммуникаций, границы ответственности размываются. Здесь трудно определить, какие из сообщений имеют официальную силу, а какие — представляют собой спонтанную или эмоциональную реакцию. Это затрудняет процессы политического урегулирования и усиливает взаимное недоверие между государствами.

Ключевым направлением институционального ответа должно стать развитие механизмов транспарентности и цифровой подотчетности. Однако практика показывает, что большинство инициатив в этой сфере либо фрагментарны, либо избыточно ориентированы на технический контроль (например, мониторинг трафика или блокировка контента), игнорируя институциональные и правовые аспекты. Такая односторонняя цифровая безопасность рискует подменить собой политическую ответственность, что в долгосрочной перспективе способно подорвать доверие к демократическим процедурам.

Кроме того, в условиях обостряющейся геополитической конкуренции растет соблазн использовать цифровую инфраструктуру в качестве инструмента внешнеполитического давления [22, с. 45–52], — через ограничение доступа, санкционную политику или выборочное распространение информации. Возникает риск раздробления глобального цифрового пространства на политико-идеологические блоки, что в перспективе грозит разрушением универсалистских основ международного взаимодействия. Безусловное следование технологической логике без политико-правовой рефлексии

в этом случае может не только ослабить демократию, но и легитимировать новые формы цифрового неравенства между государствами.

Таким образом, институциональные и нормативные вызовы цифровой трансформации в условиях демократических режимов требуют не просто адаптации существующих моделей, но и выработки качественно новых подходов, сочетающих гибкость цифровых решений с устойчивостью демократических норм. Только в том случае, если цифровая дипломатия будет встроена в систему правовой подотчетности и институционального баланса, она сможет стать инструментом укрепления, а не подрыва демократической легитимности.

Заключение

Цифровые технологии в контексте демократических режимов стали не просто инструментом модернизации политического управления и дипломатической практики, но и фактором глубоких институциональных преобразований. Они способствуют расширению каналов политического участия, ускоряют процессы коммуникации между государствами и обществами, делают внешнеполитические решения более доступными и открытыми. Вместе с этим они порождают и системные вызовы, затрагивающие саму структуру политической легитимности, подотчетности и суверенитета.

Анализ показывает, что цифровизация политических процессов приводит как к демократизации взаимодействия, так и к эрозии традиционных механизмов представительства и контроля. Алгоритмы, платформы и цифровые посредники становятся полноценными участниками политической сцены, при этом они выходят за пределы правовой юрисдикции большинства государств. Это требует от демократических институтов выработки новых форм регулирования и взаимодействия, способных учитывать децентрализованную и транснациональную природу цифровой среды.

В сфере дипломатии цифровые технологии меняют не только способы коммуникации, но и саму логику международных отношений. Формируется институциональная реальность, в которой наряду с государственными акторами действуют частные технологические платформы, а границы между публичной и частной дипломатией все больше размываются. В этом контексте особую актуальность приобретает выработка общепринятых этических и правовых норм цифрового поведения на международной арене, а также защита цифрового суверенитета без ущерба для глобального диалога.

Таким образом, в условиях демократических режимов цифровая трансформация требует баланса между технологической инновацией и институциональной устойчивостью, открытостью и безопасностью, глобализмом и суверенитетом. Решение этих задач возможно только тогда, когда государства будут не просто внедрять цифровые инструменты, но и осмысленно интегрировать их в контекст демократических норм, укрепляя правовую

определенность, политическую подотчетность и международную солидарность в цифровую эпоху.

Перспективы дальнейших исследований видятся в более глубоком изучении поведенческой трансформации дипломатических кадров под влиянием цифровизации, в анализе механизмов цифрового влияния в международных конфликтах, а также в разработке концептуальных моделей цифрового суверенитета, сочетающих межгосударственное сотрудничество с технологической автономией.

Список литературы

1. Коньков А.Е. Цифровизация политики vs политика цифровизации // Вестник СПбГУ. Международные отношения. 2020. Т. 13. № 1.
2. Володенков С.В., Федорченко С.Н. Традиционные политические институты в условиях цифровизации: риски и перспективы трансформации // Дискурс-Пи. 2022. Т. 19. № 1.
3. Hirblinger A.T. et al. Making Peace with Un-Certainty: Reflections on the Role of Digital Technology in Peace Processes beyond the Data Hype // International Studies Perspectives. 2024. № 25.
4. Adler-Nissen R., Eggeling K.A. Blended Diplomacy: The Entanglement and Contestation of Digital Technologies in Everyday Diplomatic Practice // European Journal of International Relations. 2022. № 28(3).
5. Цай Цуйжун, Чжан Жо Ян. Стратегия цифровой трансформации ЕС в дискурсе «технологического суверенитета» и «цифрового суверенитета» // Исследования международной политики. 2022. № 1 (на китайском языке).
6. Гун Юньму. Возвращение концепта суверенитета в цифровую эпоху и цифровое управление ЕС // Европейская интеграция. 2022. № 5 (на китайском языке).
7. Туробов А.В. Возможности трансплантации политических институтов при торговле технологиями: результаты сетевого анализа в сравнительной перспективе // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2022. № 65.
8. Воронкова О.А. Политическая системность и сетевая социальность: концептуальные аспекты // Социально-гуманитарные знания. 2021. № 5.
9. Ровинская Т.Л. Электронная демократия в теории и на практике // Мировая экономика и международные отношения. 2013. № 12.
10. Позиция Китая по вопросам глобального цифрового управления // Министерство иностранных дел КНР. URL: https://www.mfa.gov.cn/web/wjb_673085/zjzg_673183/jks_674633/zclc_674645/qt_674659/202305/t20230525_11083602.shtml (дата обращения: 28.04.2025).
11. The origin of public concerns over AI supercharging misinformation in the 2024 U.S. presidential election // Harvard Kennedy School. URL: <https://misinforeview.hks.harvard.edu/article/the-origin-of-public-concerns-over-ai-supercharging-misinformation-in-the-2024-u-s-presidential-election/> (дата обращения: 28.04.2025).

12. Internet Use Report 2023 // International Telecommunication Union (ITU). URL: <https://www.itu.int/itu-d/reports/statistics/2023/10/10/ff23-internet-use/> (дата обращения: 28.04.2025).
13. Рюдель М.Ф. Влияние цифровых технологий на международные отношения и дипломатию // Общество и государство. 2024. № 2.
14. Ростованова М.Г. Цифровая дипломатия как инструмент международных отношений: преимущества и риски // Скиф. Вопросы студенческой науки. 2021. № 6(58).
15. Указ Президента Российской Федерации от 5 декабря 2016 г. № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации». URL: <https://base.garant.ru/71556224/> (дата обращения: 28.04.2025).
16. Доктрина информационной безопасности Российской Федерации // Российская газета. URL: <https://rg.ru/documents/2016/12/06/doktrina-infobezobasnost-site-dok.html> (дата обращения: 28.04.2025).
17. Bjola C., Manor I. The rise of hybrid diplomacy: from digital adaptation to digital adoption // International Affairs. 2022. Т. 98. № 2.
18. Аусадык А.Б., Чукубаев Е.С., Уткелбай Р.Е. Новые технологические инструменты в дипломатической практике // Вестник КазНУ. Серия международные отношения и международное право. 2023. Т. 104. № 4.
19. Дун Цинлин. Искусственный интеллект и цифровая дипломатия: новые темы, новые правила, новые вызовы // Народный форум: академические рубежи. 2023. № 2. DOI: 10.16619/j.cnki.rmltxsqy.2023.04.008 (на китайском языке).
20. Победин П.К. Использование искусственного интеллекта и цифровых технологий как метода политического влияния на молодежь // Постсоветский материк. 2024. № 4(44).
21. Каневский П.С., Петров К.Е. Негосударственные акторы в системе международных отношений цифровой эры: между комплексной взаимозависимостью и онлайн-суверенитетом // Международная аналитика. 2024. Т. 15. № 3.
22. Кубанцева Е.В. Цифровая трансформация государственного управления как фактор достижения цифрового суверенитета в Российской Федерации // Общество: политика, экономика, право. 2023. № 9.